

И. НУСИНОВ

Как Прометей был объявлен первопричиной зла (Вячеслав Иванов, «Прометей»)

Французский переводчик трагедии Эсхила Ад. Буйэ¹ в предисловии к своему переводу «Прикованного Прометея» жаловался на неудачи французской литературы в разработке темы «Прометей». Он писал:

«Вольтер... сумел в своей «Пандоре» сделать из Прометея лишь античного оперного героя, влюбленного в свою собственную статую. После него стихослагатели среднего таланта, Лефранк де Помпиньян, де Саневиль, Греньер², или чванливые мыслители, лишенные гения, как Эдгар Киннэ, не раз возвращались к драме Эсхила. Но все эти различные попытки не дали ничего оригинального, ничего плодотворного».

Оставляя в стороне вопрос о «Пандоре» Вольтера³, о которой было сказано выше, мы не можем не согласиться с этой характеристикой французского переводчика Эсхила. Надо только прибавить, что после Гёте и Шелли⁴ не дали ничего оригинального и плодотворного в разработке темы Прометея не только французские писатели, но и вообще вся буржуазная литература. И не потому только, что за эту тему брались лишь посредственные версификаторы и чванливые мыслители, лишенные идей. Надо напомнить, что Эдгар Киннэ⁵ был не последним человеком среди французской буржуазной интеллигенции. Дело тут много сложнее. Уже со времен Эдгара Киннэ во всей Европе прометеев бунт означал бунт против буржуазии, против ее социального порядка, против ее морального и философского сознания. Поэтому буржуазные мыслители и поэты или не брались за разработку темы о Прометее, или снижали этот образ до своего уровня, «по примеру того» же Эдгара Киннэ.

В этом отношении наиболее поучительна последняя по времени, насколько нам известно, разработка образа Прометея, принадлежащая перу Вячеслава Иванова.

В 1919 году, когда «Прометей» Вячеслава Иванова был опубликован, довольно значительные круги русской интеллигенции еще продолжали видеть в его творениях источник мудрости⁶. Однако, несмотря на то, что «Прометей» написан непривычным для манерного и претенциозного Вячеслава Иванова легким и прозрачным стихом, со свойственным ему знанием не столько духа античной культуры, сколько тонкостей античных культов, приходится и о нем повторить приведенные слова французского переводчика Эсхила об Эдгаре Киннэ: этот «чванливый мыслитель без гения не дал ничего ни оригинального, ни плодотворного».

Вячеслав Иванов в предисловии раскрывает сущность своего, как он выражается, «предлежащего лиро-драматического произведения». Он пишет, что его «предлежащее лиро-драматическое произведение есть трагедия, — во-первых, действия, как такового; во-вторых, самоистощения действительной личности в действии, в-третьих, преемственности действия. В общем — трагедия титанического начала, как первородного греха человеческой свободы» (Вячеслав Иванов, «Прометей», трагедия, Петербург, «Алконост», 1919, стр. VII).

В этих трех началах трагедии вся «философия» Вячеслава Иванова.

Всякое действие есть зло, и во всяком действии заложено внутреннее противоречие. Действие стремится установить какую-то мыслимую гармонию. Но действие вызывает противодействие, которое, являясь «в свою очередь действием, не только не восстанавливает нарушенного равновесия, но и продолжает преемство тяжбы. Так плетется звено за звеном непрерывная цепь греха и возмездия».

Этого не сознавал Прометей, потому что «род Иапета не причастился Дионису», как объясняет глубоко осведомленный в античной мифологической генеалогии Вячеслав Иванов. Непричастившийся Дионису Прометей доверился действию и не понял — не в пример Вячеславу Иванову — имманентную противоречивость и греховность действия. Ибо в чем сущность дионисова начала? Этот вопрос, как нас уверяет Вячеслав Иванов, он полностью осветил в своей книге о трагедии Ницше⁷. Ницше писал⁸: «В своем отношении к действительности дионисийский

человек являет сходство с Гамлетом: оба заглянули в истинную суть вещей, оба познали, и с тех пор им претит действовать, ибо их действие ничего не может изменить в вечной сущности вещей: познание убивает действие, — чтобы действовать, нужно быть окутанным покрывалом иллюзии, — вот учение Гамлета».

Солидаризируясь вполне с Ницше, Вячеслав Иванов углубляет мысль Ницше таким изречением:

«Если познание открывает в действии ложь, то пробужденное нравственное сознание изобличает в нем неправду» (стр. VI).

Гении человечества, от Эсхила до Гёте и Шелли, восхищались бунтом Прометея, его титанической борьбой со злом, видели в его действительности символ утверждения человеческой мысли, воли, культуры. А Вячеслав Иванов, ссылаясь на авторитет Ницше, разъясняет крайнюю ограниченность их понимания Прометея. По-видимому, Эсхил и Гёте тоже «не причастились Дионису», поскольку они тоже происходят из рода Иапета⁹. Неспособные заглянуть в истинную суть вещей, они продолжали восторгаться титанизмом Прометея. А вот Вячеслав Иванов, познавший суть вещей, понимает, что «титанизму свойственно бескрылое сознание принудительности овладевающей им воли, чувство внутреннего детерминизма, которое так непохоже на радость совпадения свободы с необходимостью — эту божественную печать благодатствованной души» (стр. XI).

По Вячеславу Иванову, Гамлет проникает в глубь вещей. Ему претит действие, ибо он сознает невозможность изменить сущность вещей. Прометей увлекается действием из-за своей ограниченности: титанизму свойственно бескрылое сознание. Его действие — грех. В нем «изначальное нарушение предустановленного согласия живых сил» (стр. XII). Оно становится первопричиной смерти, убийства и самоубийства. «Человечеству нет другого пути, кроме пути греха и возмездия. Должны причти во имя возмездия — и пусть скорее приходят — другие силы», которые по-своему довершат прометеево дело: «Власть и принудительное Насилие высоко воздвигнут свои троны над общиной Освободителя» (стр. XVII). Так противодействие, как нам в самом начале возвестил сам Вячеслав Иванов, «продолжает преемствовать тяжбы. Так плетется звено за звеном непрерывная цепь греха и возмездия».

Вячеслав Иванов говорил нам еще об одной необходимой составной части трагедии. Это — «самоистощение действенной личности в действии».

Это самоистощение является также необходимым и, надо думать, заслуженным уделом Прометея. Вячеслав Иванов признает, «что если действия Прометея по необходимости ограничены, зато целостна его жертва и безусловно его саморасточение, самоопустошение, самоисчерпание». Поскольку целостна жертва Прометея, он воздает ему должное, ибо тот «положил душу свою за человека». Но Вячеслав Иванов считает эту жертву неоправданной, приводящей к неизбежному самоопустошению вследствие изначальной ограниченности сил Прометея. Его гибель оправдана для В. Иванова, ибо Прометей «совершил этот подвиг не как агнец божий (Вячеслав Иванов, полный церковного пиетета, пишет, конечно, «агнец божий» прописными буквами. — И. Н.), а как мятежный титан, в грехе и дерзновенной надежде» (стр. XI).

В соответствии с этой философией Вячеслав Иванов строит свою трагедию «Прометей».

Как пришел Прометей к своему «изначальному нарушению предустановленного согласия живых сил»?

Об этом рассказывает в третьем акте Пандора, избличающая Прометея пред народом:

Промыслил человеком Прометей
Вселенную украсить, взвезть к небу
Из искры Дионисовой пожар...

...

...Мнил титанов
Исправить дело, мать искупить
И бытие свободное восстановить.

Пандора дальше повествует, что для этого Прометей

Фемиду молит: «Мать, изведи
Жену на свет и самого меня.

...

Все женское душевного состава,
Что есть во мне, — даю; ты тело дай.
(Стр. 65).

Зачем же понадобилось Прометею изгнать из себя все женское? Может быть, затем, чтобы женское мягкосердечие, материнское сострадание не мешало ему в те грозные минуты борьбы, когда требуются решительность и неумолимость?

Непосредственно в самом трагедийном действии Вячеслава Иванова трудно найти четкий ответ на этот вопрос. Но, чтобы не затруднять нас поисками ответа, а себя не обременять работой над композиционной слаженностью, Вячеслав Иванов весьма услужливо разъясняет этот поступок Прометея в предисловии к трагедии. Он пишет о том, что стремление изменить мир всегда заключает в себе ограниченность и односторонность. «Препоясываясь к действию, он (Прометей. — И. Н.) заранее признает, принимает и волит его односторонним, насильственным, содержащим в себе отпадение от божественного всеединства» (стр. XII).

Стало быть, предпосылкой титанического действия Прометея является одностороннее отторжение от «божественного всеединства».

Достигши этого, Прометей начинает действовать. Первое действие — утверждение греха Прометея — это приводит к смерти, убийству и самоубийству.

Пред тризной по трем первым погибшим Прометей провозглашает:

Не мир мне надобен, но семя распри.
Довольны братья будут. Я творил
Вас, первенцы, и нет среди вас раба;
И будет рабство, но раба не будет.
(Стр. 34).

Этот высший триумф Прометея составляет первую часть трагедийного действия, или, как выражается Вячеслав Иванов, «действие как таковое». За ним во втором акте следует «самоистощение действительной личности в действии».

Второй акт заканчивается следующей сценой:

Прометей «в позе прикованного». В бреду он приподымается и хочет «вырваться из лежащих на его руках рук матери».

Прочь, хищники — орлы! Она — моя!..
Терзайте грудь мою: ведь она отныне
В моей груди... Ужасны когти молний!
Истерзан я... Но все ж она — моя!
Не вам исторгнуть жизнь из этой груди...

Огонь на жертвеннике едва теплится. Фемида простирает руки над Прометеем. Он склоняет в изнеможении голову на ее колени (стр. 44).

Третий акт является «преемством тяжбы», которое продолжает «непрерывную цепь греха и возмездия».

Пользуясь помощью толпы, Кратос и Бия (Власть и Сила) связывают цепями Прометея. В последнюю минуту, когда народ видит, что Прометей скован, «Ярость вспыхивает в народе. Луки напрягаются. Кратос и Бия простирают в воздухе обнаженные мечи над головами мятежников: стрелы из рук их выпадают; в бессилии и ужасе они опираются, отшатнувшись, один на другого. Кратос и Бия уводят скованного Прометея» (стр. 77).

Месть и победа Пандоры над Прометеем и гибель Прометея приходят не в результате клеветы Пандоры, а потому, что она изобличает пред народом Прометея как искажителя духовной истины.

Вячеслав Иванов оговаривает вольность, с «какой древний миф разработан в подлежащей трагедии». Он говорит, что эллины допускали такую вольность. Ибо для них, как и для автора, миф был «символом духовных истин, орудием имажинативного познания сверхчувственных сущностей». Эллинам, продолжает автор, вольность в истолковании мифа «не казалась предосудительной — был бы верно сохранен дух, оживляющий мифологему. Но и верность духу мифа — понятие зыбкое, относительное: трагических поэтов... судили по плодам предоставленной им ответственной свободы» (стр. 23).

Для Вячеслава Иванова Прометей — источник смерти, убийства, самоубийства, начало «непрерывной цепи греха и возмездия».

У Вячеслава Иванова Прометей, «препоясываясь к действию, заранее признает, принимает и болят его односторонним, насильственным, содержащим в себе отпадение от божественного всеединства». Действие Прометея предполагает «раскол его целостной полноты». Прометей, стало быть, характеризуется ограниченностью, односторонностью, интеллектуальной и духовной ущербностью, неполноценностью.

Эсхил, Гёте, Шелли каждый на свой лад показывали, что Прометей подымает бунт во имя торжества, мира и свободы, во имя победы свободного и гордого человека.

У Вячеслава Иванова Прометей действует не во имя торжества, мира и свободы, а во имя распри: «Не мир мне надобен, но семя распри», — заявляет он. Он не стремится к победе свободы, к уничтожению рабства и к торжеству свободного человека. Он

заявляет, что хотя «раба не будет», «но будет рабство... своим страстям и вожделениям низким нам рабствовать дано». Наконец, где уж тут говорить о способности Прометея все познать и постичь, о его стремлении похищенным огнем осветить все тайны бытия, если, по Вячеславу Иванову, «титанизму свойственно бескрылое сознание принудительности овладевающей воли».

Для всех великих истолкователей мифа о Прометее, от Гезиода и Эсхила до Гёте и Шелли, Прометей потому богоборец, что он — борец за правду. Его бунт имеет высоко этический характер. Нравственный смысл его бунта в античной максиме — «знание через страдание», на которой Эсхил, насколько можно судить, строил заключительную часть своей трилогии о Прометее.

У Вячеслава Иванова Прометей не способен заглянуть «в истинную суть вещей», лишен того «нравственного сознания», через которое дается изобличение лжи и неправды действия.

Прометей Гезиода и Эсхила, Протагора и Сократа¹⁰, Вольтера и Гете, Байрона и Шелли во всех смыслах и во всех отношениях противостоит Прометею Вячеслава Иванова. Его истолкование этого мифа радикально отлично и полностью исключает их толкование.

Действуя столь успешно «орудием имагинативного познания сверхчувственных сущностей», Вячеслав Иванов своим образом Прометея не только «изобличил» «неправду» Прометея, но и «изобличил», что все гении прошлого «не причастились Дионису» и потому не смогли «заглянуть в истинную суть вещей» при истолковании мифа о Прометее. Это случилось с ними, должно быть, потому, что им еще не известно было предисловие Вячеслава Иванова, в котором он всему миру возвещает, что «Есть святотатство и жестокость в насильственном низведении, исхищении совершенной Идеи из покоища истинного бытия в быстрину алчущего, но не достигающего полноты “существования”» (стр. IX).

В этом основной порок не только Прометея, но и Фауста, признавшего, что «будто в начале было не Слово, но Дело»¹¹, ибо «в самом абсолютном творчестве изобличается вина всякого относительного творчества, — полу-дионисийского, полу-титанического, единственно доступного человеку» (стр. IX–X).

Мы были бы, конечно, счастливы видеть, как после веков «полу-дионисийского относительного творчества» писателей, которых мы привыкли считать великими гениями человечества,

Вячеслав Иванов своим «свободным и абсолютным творчеством» познал, наконец, «сверхчувственную сущность» Прометея, если бы... если бы его Прометей, столь далекий и чуждый духу античного мифа о Прометее и духу его гениальных истолкователей, не оказался столь близким духу «Бесов» Достоевского.

В самом деле, все те качества, которые Вячеслав Иванов, прикрываясь столь претенциозными философско-образными рассуждениями, приписывает Прометею, давно нам были представлены на страницах «Бесов» как якобы имманентные черты революционера и как имманентная сущность революционного действия.

Оттуда нам уже известно, что революционное действие — грех, начало непрерывной цепи преступлений, а стало быть, греха и возмездия. Оттуда нам известно, что мышление революционера — бескрылое, ограниченное, что основная особенность революционера — его односторонность, что революционное действие аморально. Наконец, утверждение Прометея «раба не будет», но «будет рабство... своим страстям и вожделениям низким нам рабствовать дано» является не чем иным, как вариацией шигалевского тезиса¹², что, исходя из безграничной свободы, он приходит к безграничному деспотизму или, как еще более цинично разъясняет шигалевщину Петр Верховенский, «все рабы и в рабстве равны... без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот шигалевщина»¹².

Не ясно ли, что «духом», оживляющим мифологему Вячеслава Иванова, оказался дух «Бесов».

Вячеслав Иванов вместе с Ницше утверждал: «дионисийский человек познал невозможность действием изменить вечную сущность вещей», и поэтому ему «претит действие», он отказывается от всякого действия как полу-дионисийского и противопоставляет ему свободное дионисийское творчество.

Так заявлял Вячеслав Иванов в 1919 году, в год доподлинно прометеевских титанических действий.

Вся эта философия дионисийского отрицания прометеева действия была свойственна русской реакционно и упадочнически настроенной буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции 1917–1919, годов и имеет своим началом события 1905–1908 годов.

Разве мы не читали в «Вехах»¹³ об ограниченности революционера, о бескрылости социалистической мысли, о распаде

«божественного всеединства» русского народа из-за революции, одним словом — не читали ли мы в «Вехах» все эти премудрости, которые Вячеслав Иванов воплотил в своем «Прометее»?

Утверждение Вячеслава Иванова, что «есть святотатство и жестокость в насильственном низведении, исхищении совершенной Идеи из покоища истинного бытия в быстрину алчущего, но не достигающего полноты “существования”», любой публицист из «Речи» и «Биржевых ведомостей» в те годы взял бы охотно эпиграфом к своей очередной статье против апрельских тезисов Ленина¹⁴. Второй акт, говорящий об истощении Прометея, является не чем иным, как философической, поэтической вариацией пошлого тезиса буржуазных писак 1918 года, что силы и выдержки у большевиков хватит на две недели.

Вячеслав Иванов писал, что всякое действие вызывает противодействие, которое «продолжает преемствовать тяжбы». Совершенно очевидно, что своей трагедией «Прометей» он стремился противодействовать революции.

«Дионисово свободное творчество» Вячеслава Иванова на проверку оказалось лишь выражением его «божественного всеединства» с буржуазией, его отрицанием революции.

Вячеслав Иванов истолковал Прометея по образцу «Бесов», потому что в своем отрицании пролетарской революции он продолжал реакционные традиции автора «Бесов».

1937

